

СЕКЦИЯ «ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

О. Е. Афанасьева

ГОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет»

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНЫХ ИМЕН ПООНЕЖЬЯ И БЕЛОЗЕРСКОГО КРАЯ XVI в.

**(на материале сотных Каргопольского
и Белозерского уездов середины XVI в.)**

Особенности формирования локальных антропонимических систем зависят от политических, социально-экономических и миграционных процессов развития определенного региона. На наш взгляд, актуальным является вопрос о региональных отличиях имен собственных, обусловленных историей развития соответствующего региона.

Цель данной статьи – установить сходные черты в онимических системах Каргопольского и Белозерского уездов середины XVI в., связанные с влиянием разных центров официально-деловой письменности: Новгорода Великого и Ростово-Суздальской земли.

Для исследования выбраны следующие документы местного делопроизводства: «Сотные на волости Каргопольского уезда 1561-1562 гг.», «Сотная на Каргополь 1561-1564 гг.», «Сотная на Турчатовский стан Каргопольского уезда с письма Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова 1556 г.» и «Сотная с писцовых книг Ф. Ф. Хидырщикова и Г. Л. Клементиева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде 1544 г.»

Как известно, ранние миграции славянских племен на территорию Белозерского края и Поонежья осуществлялись в двух направлениях – с запада (Новгород) и с юга (Ростово-Суздальская земля).

Выбор сопоставляемых территорий не случаен, поскольку в период существования Белозерского княжества, Поонежье испытывало сильное его влияние. По мнению исследователя истории освоения северных земель Г.П. Гунна, в Каргополе сталкивались два колонизационных потока: поток так называемой низовской колонизации из вологодско-белозерских земель и поток новгородской колонизации, – и в разное время они имели разное преобладание. Вопрос этот остается до конца не решенным. Предполагается, что первоначально каргопольское поселение зависело от Белозерского

княжества, затем в XIV-XV веках перешло под власть Новгорода, в состав его волостей [3, 16].

Важно отметить, что влияние новгородской деловой письменности происходило намного раньше, чем Ростово-Суздальской. Этот факт объясняется историческими и миграционными процессами.

Как отмечает Ю.И. Чайкина, о некалендарных именах центральной-восточной зоны (ростово-суздальской и рязанской) сказать что-либо трудно, поскольку территория Ростово-Суздальской земли складывалась позднее других областей – во второй половине XII- первой половине XIII вв. [15, 20]. А особенности антропонимической системы Новгорода Великого можно проследить на примере новгородских берестяных грамот, которые детально исследуются А.А. Зализняком и В.Я. Яниным.

В сотных Каргопольского и Белозерского уездов XVI в. выявлены признаки, сближающие систему некалендарных имен Поонежья и Белозерья с традициями новгородской деловой письменности.

По мнению многих ученых, имена-композиции были широко представлены в новгородских берестяных грамотах (А. А. Зализняк, Ю.И. Чайкина и др.). В сотных Каргопольского уезда и Белозерья XVI в. встречаются модификаты сложных личных имен с суффиксами, которые были распространены на территории Новгородской Республики, -ыня: Доброслав, Доброжир → Добрыня, например: *Добрыня* Ондреев [Сотн. Каргоп.у., 346], в. *Добрыня* Лабунин [Сотн. Белоз.у., 185], в. Никонин, в. Папа *Добрынины* [Сотн. Белоз.у., 185], Ярослав→Ярец, н-р, *Ярец* Кирилов [Сотн. Каргоп.у., 471].

В документах Каргополя и Белозерска частотны приставочно-корневые личные имена с формантом не-: Невзор, Некрас, Неклюд.

Неклюдко Махонин [Сотн. Карг.319], кузнец *Некрас* Федоров [Сотн. Карг.319], *Некраско* Фенин [Сотн. Белоз., 190]

К тому же в сотных зафиксированы антропонимы, восходящие к причастным формам: Ждан, Неждан, Стоян.

Нежданько Лукин [Сотн. Карг.292], *Жданко* Мишуков [Сотн. Белоз., 186]

По наблюдениям Е.Н. Ивановой, в монастырской деловой письменности Белозерья XIV-XV вв. отпричастные имена на *нь* и приставочно-корневые личные имена с формантом *не-* были широко распространены, как и в новгородской антропонимии древнего периода: *Жьдан* (А 12, 241), *Некрас* (В 21, 218), *Нежил* (Б 5 421) [7, 223]. Исследователь отмечает признаки сближения антропонимической системы Белозерья и Новгорода Великого еще в XIV-XV вв., которые сохраняются и в XVI веке.

Модификаты календарных имен, распространенные на конкретной территории, возникали в результате адаптации антропонимов греческого происхождения в говорах древнерусского языка.

Охарактеризуем фонетические, морфологические и словообразовательные признаки, которые последовательно фиксируются в новгородской антропонимии XIV-XVII вв. и в белозерских и каргопольских именовании мужчин XVI в.

1. В производных формах от личных имен Никита, Никифор наблюдается мена близких по артикуляции сонорных [М] и [Н]:

В. *Микитка* Офонасов [Сотн. Турч. ст., 96],

В. *Микула* Ортемов [Сотн. Турч. ст., 111],

В. Фетко *Микулин* [Сотн. Турч. ст., 122],

В. *Микитка* Логинов [Сотн.Белоз.у., 202],

2. Замена начального [ио] на [jo]:

В. Спирко *Есипов* [Сотн. Турч. ст., 125].

в. Ворон *Есипов* [Сотн. Белоз.у., 187]

3. Замена начального гласного [А] гласным [О]:

Гридя *Онкудинов* [Сотн. Каргоп. у., 310],

В. *Омельяно* Сонин [Сотн.Белоз.у., 203],

В. Ивашко *Онофреев* [Сотн.Белоз.у., 202],

На наш взгляд, подобное написание не стоит относить к оканью и считать результатом неразличения О и А в безударных слогах. Р.Л. Сельвина замечает, что в подобных случаях передается традиционная их огласовка, которую эти личные имена получили еще до появления аканья в фонетической системе русского языка [9, 12]. В итоге подобные примеры можно отнести к влиянию древненовгородского диалекта на развитие антропосистемы Каргополя и Белозерска.

4. Колебания парадигмы склонения у имен на *-ии*:

В. *Григорей* Никитин сын Меншей [Сотн. Турч. ст., 102] – *Григорья* сын Плотник [Сотн. Каргоп.у., 196],

5. Переход конечного *-он* в *-ан*:

В. Якуш *Конанов* Ус [Сотн. Турч. ст., 100], в. *Конаник* Ермолин [Сотн. Турч. ст., 125],

В. Сенка *Труфанов* [Сотн. Турч. ст., 118], в. Иванко *Труфанов* [Сотн.Белоз.у., 195],

В. Иванко *Конанов* [Сотн.Белоз.у., 203], в. Куземка *Симанов* [Сотн.Белоз.у., 198] и т.д.

По словам А.А. Зализняка, переход конечного *-он* в *-ан* в личных именах типа *Онътан*, *Огафан* – отличительная особенность древненовгородского диалекта, которая нашла отражение в новгородских берестяных грамотах [5, 187].

Таким образом, процессы адаптации календарных личных имен в Каргопольском и Белозерском уездах в ряде случаев происходили под воздействием фонетической и морфологической системы древненовгородского диалекта.

Обратимся к словообразовательным особенностям. На территории Поонежья и Белозерья в XVI в. активно использовались антропонимы и топонимы с формантами, присущими только новгородской деловой письменности.

Как отмечает С.Н. Смольников, большой интерес представляют раритетные форманты, которые, подобно «меченым атомам», показывают пути ранних и поздних миграций населения, активных на Русском Севере вплоть до начала XVIII в. [Смольников, 80]. Например, в исследуемом материале отмечен формант *-ат-а*, который восходит к общеславянской эпохе и характеризуется исследователями как наиболее продуктивный для Новгородских земель XI–XV вв. [Гвоздева 1987: 82]. Личные имена и топонимы с данным суффиксом отмечены в белозерских источниках: дер. *Вышатино* [Сотн. Белоз.у., 199], дер. *Мертвятино* [Сотн.Белоз.у., 201] и др.

С точки зрения Р.Л. Сельвиной и многих ученых, в новгородской антропонимии обращает на себя внимание суффикс *-хн-*, участвующий наряду с другими в образовании личных имен (Ахно, Вахно, Грихно), отчеств (Фролка Лухнов) и топонимов отантропонимического происхождения (Бахново, Зехново и т.п.) [9, 25].

Формант модификатов христианских имен *-хн-о*, *-хн-е* встречается на Руси с XII в., в XIV–XV вв. распространение имен с данным формантом локализовано [Гвоздева, 80] – Новгородская, Псковская, Белозерская земли. По мнению А. А. Зализняка, имена с *-хън-* (*Грихне*, *Вахне* и т.п.) в раннем древненовгородском диалекте – черта северно-кривичского происхождения [5, 212]. Большое количество подобных образований, в том числе в основах отчеств и названий деревень, отмечено исследователями в Новгородских писцовых книгах XV в. [9, 138].

С точки зрения С.Н. Смольникова, круг имен, оформленных данным формантом, повторяется достаточно регулярно, что позволяет говорить об их закреплённости в языке жителей северно-русских территорий в качестве потенциальных антропонимов [11, 81].

Приведем примеры антропонимов и топонимов с антропоформантом *-хн-* в наших источниках:

Дер. *Юхновская* [Сотн. Карг. у., 347]; Дер. *Грихна* Лукина [Сотн. Карг. у., 356];

починок *Грехновской* Скопина [Сотн. Карг. у., 376.];

Иванко Фехнов [Сотн. Карг. у., 390]; Дер. Грихневская [Сотн. Карг. у., 407].

В результате, влияние новгородской деловой письменности на развитие антропонимической системы Поонежья и Белозерья в XVI в. проявилось в распространении на данных территориях имен-композиата и фонетических, морфологических, словообразовательных особенностей, характерных для антропонимической системы Новгорода Великого.

Примечания

1. Гвоздева Е. Л. Способы идентификации лица в великорусской деловой письменности XIV–XVI вв. // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV. Ономастика. Ч. 1. Имя и культура. – М., 1993.
2. Гвоздева Е. Л. Образование и функционирование мужских календарных имен в русской деловой письменности XIV–XVI вв. Дисс. канд. филол. н. – Днепропетровск, 1987.
3. Гунн Г.П. Каргопольский озерный край. – М, 1984.
4. Демчук Г.В. Уткин Н.Н. Посвящение церквей в Каргопольском уезде по сотным выписям XVI в.//Христианство и Север. По материалам VI Каргопольской научной конференции/ Науч. ред. и сост. Н.И. Решетников. – М, 2002.
5. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – М, 1995.
6. Зинин С.И. Русская антропонимия XVII–XVIII вв. (на материале переписных книг городов). – АКД. – Ташкент, 1969.
7. Иванова Е.Н. Имена собственные Белозерского края конца XIV–XV вв. как источник сведений об этнической истории региона (на материале монастырской деловой письменности)// Рябининские чтения-2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. – Петрозаводск, 2007.
8. Мирославская А.М. О древнерусских именах, прозвищах и прозваниях// Перспективы славянской ономастики. – М, 1980.
9. Сельвина Р.Л. Личные имена в Новгородских писцовых книгах XV – XVII вв.// Автореферат дис. канд. филол. наук. – М, 1976.
10. Смольников С.Н. Антропонимическая система Верхнего Подвinya в XVII в.// Дис. канд. филол. наук. – Вологда, 1996.
11. Смольников С.Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI – XVII вв. – СПб, 2005, с. 56-68.
12. Сотная с писцовых книг Ф. Ф. Хидырщикова и Г. Л. Клементиева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде 1544 г.// Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археологический сборник. Вып. 2. – Вологда, 1972.
13. Сотные на волости Каргопольского уезда 1561-1562 гг.// Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археологический сборник. Вып. 2. – Вологда, 1972.
14. Чайкина Ю.И. К вопросу о влиянии разных письменных центров на антропонимию памятников деловой речи в XV – XVII вв.//Вестник ВГПУ. – Вологда, 2007.
15. Чайкина Ю.И. К вопросу о периодизации некалендарных личных имен на Руси//Проблемы текста: Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачева. Словесность. – Вологда, 2006.
16. Янин В. Я., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1984-1989 г. – М., 1993.